ДМИТРИЙ ЧЕРНОВ

СЕМЬ БУЛАВ

Дмитрий Чернов

Семь булав

«Автор»
2026

Чернов Д. В.

Семь булав / Д. В. Чернов — «Автор», 2026

Артём Воронцов вырос в доме на холме, где всё имеет цену и своё место. Отец строит холдинг, мать ведёт дом по расписанию, а сын с детства знает: его судьба уже решена. Но однажды в цирке, на манеже, жонглёр с усталым лицом подбрасывает пять булав, и мальчик понимает, что его собственная жизнь пока не принадлежит ему.Чтобы стать тем, кем он хочет быть, Артём должен уйти от отца, потерять дом и деньги и начать с нуля. Но путь не бывает гладким: сломанная рука, письмо, которого он так долго ждал, и звонок, после которого всё меняется.История о гордыне и страхе, о грехах, с которыми приходится жить, и о том, как честная работа и любовь помогают найти собственный ритм. Семь булав - это не про то, чтобы никогда не упасть. Это про то, чтобы держать в воздухе свою жизнь, даже когда она падает.

© Чернов Д. В., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Чернов
Семь булав

Дмитрий Чернов
СЕМЬ БУЛАВ
Роман
2026

Пролог

Шесть булав уже в воздухе.

Они идут плотным белым кольцом, и в этом кольце нет ни одной лишней секунды. Зал не дышит. В первом ряду, в золотистом пятне света, сидит седой человек с тростью между колен. Рядом с ним женщина прижимает к губам платок.

Артём не смотрит на них. Он смотрит сквозь булавы, как учил его старик, которого больше нет. Он слышит их: шесть тактов, шесть ударов сердца, шесть коротких вдохов. Где-то за этим ритмом, на самом краю слуха, есть ещё один промежуток. Пустой. Ждущий.

Седьмая булава лежит в его левой ладони. Тёплая, чуть шершавая от старого лака. Её сделали в Праге полвека назад для человека, который так ни разу и не поднял её в воздух.

Сейчас он её отпустит.

Если она войдёт в круг, всё, что было, окажется не напрасным: дом на холме, ключи на белой скатерти, вагончик с одной печкой на двоих, белая больничная стена, письма, на которые никто не отвечал. Если не войдёт, булавы рассыплются по манежу, и человек в первом ряду увидит то, что когда-то и предсказывал.

Артём делает вдох.

А всё началось с того, что однажды в цирке один усталый жонглёр чуть не уронил булаву.

Глава 1

Дом на холме

Дом Воронцовых стоял на холме за городом, и всё в нём было устроено так, чтобы никто не слышал шума снаружи. Высокие окна, тяжёлые двери, ковры, в которых тонули шаги. Отец, Сергей Андреевич, строил свой холдинг двадцать лет и привык, что любая вещь в мире имеет цену и своё место. Мать, Елена Викторовна, вела дом так же точно, как отец вёл дела: расписание, няни, репетиторы, английский по вторникам и шахматы по четвергам.

Артём родился последним в этой цепочке расчётов. Единственный сын, наследник, будущий директор. Об этом ему говорили так давно, что он перестал замечать слова, как перестают замечать тиканье часов.

В восемь лет его впервые привели в цирк. Не из любви к цирку: у отцовского партнёра была своя ложа, и отказаться было неудобно. Артём сидел в бархатном кресле, болтал ногами и скучал. Клоуны казались ему шумными, звери печальными, воздушные гимнасты слишком далёкими.

А потом на манеж вышел жонглёр. Немолодой, в потёртом фраке, с усталым лицом человека, который выходит сюда каждый вечер. Он взял в руки пять булав и подбросил их.

Зал не замер, никто не ахнул. Но Артём перестал болтать ногами.

Булавы шли по воздуху ровным белым кругом, как будто у них была своя договорённость с землёй. Жонглёр не смотрел на них. Он смотрел в зал и чуть заметно улыбался. В какой-то момент одна булава слегка ушла в сторону, и Артём успел подумать: сейчас упадёт. Но человек повёл плечом, едва шевельнул кистью, и булава вернулась в круг, будто ничего не случилось.

В этом движении не было ничего особенного. И всё же мальчик, которого с рождения учили, что главное в жизни не ошибаться, впервые увидел человека, который ошибся, поправился и от этого стал только свободнее.

По дороге домой отец говорил по телефону. Мать листала в машине меню на завтра. Артём смотрел в окно и тихо, одними пальцами, повторял на коленях то самое движение кистью.

Уже дома, когда няня ушла, а в коридоре погасили верхний свет, Артём долго лежал без сна. Потом встал, босиком прошёл по холодному паркету до кабинета отца и остановился у двери. Из-под неё выбивалась полоска жёлтого света.

Он постучал. Тихо, одним пальцем.

— Да.

Отец сидел за столом в расстёгнутой рубашке, без галстука, и что-то писал. Увидев сына, он снял очки.

— Почему не спишь?

— Папа, — сказал Артём, — а ты видел? Того дядю. С булавами.

Сергей Андреевич помолчал. Мальчику показалось, что пауза была очень долгой, хотя, наверное, она длилась не больше секунды.

— Видел, — сказал отец.

— Он чуть не уронил. А потом не уронил.

— Да. — Отец посмотрел куда-то мимо него, в тёмное окно. — Это называется профессионализм. Иди спать, Артём. Завтра английский.

Артём ушёл. Он не знал тогда, что отец ещё долго сидел над недописанной страницей, не притрагиваясь к ручке. И что в кармане его пиджака, висевшего на спинке кресла, лежала сложенная вдвое цирковая программка.

В тот вечер он ничего не решил. Он просто унёс с собой пять белых булав. И они остались в нём надолго.

Глава 2

Три мячика

Первые мячики Артём купил на карманные деньги в канцелярском магазине. Три резиновых шарика, по цене чашки кофе, которую отец выпивал не задумываясь.

Учиться было негде и некогда: школа, репетиторы, секции, в которые его записывала мать. Поэтому он тренировался ночью, в дальнем конце зимнего сада, где стояли пальмы в кадках и никто не бывал после десяти. Мячики падали на плитку, катились под кусты, и Артём ползал за ними на коленях, прислушиваясь, не скрипнет ли дверь.

Сначала не получалось ничего. Потом получились два. Потом, через полгода, три, и целую неделю он ходил по дому с таким лицом, будто выиграл у отца в шахматы.

В четырнадцать он нашёл в интернете записи старых цирковых лекций и стал разбирать приёмы по кадрам. Каскад, фонтан, душ, колонна. Он узнавал названия, как другие мальчики узнают названия машин. В пятнадцать перешёл на булавы. Купил их тайком, спрятал за книгами в библиотеке, и за год сломал о паркет не одну.

Однажды булавы нашла мать.

Это случилось в субботу, в конце ноября. Артём вернулся с олимпиады по математике и, поднимаясь по лестнице, увидел, что дверь в библиотеку приоткрыта. Елена Викторовна стояла у стеллажа с энциклопедиями, держа в руке белую булаву с треснувшей ручкой, ту самую, которую он расколол о паркет неделю назад и всё не решался выбросить.

Он замер на пороге. Мать обернулась.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Артём видел, как в её лице одно выражение сменяется другим: удивление, растерянность, что-то похожее на испуг, а потом, неожиданно, почти нежность.

— Это твоё? — спросила она.

— Моё.

— Ты по ночам?..

— В зимнем саду.

Мать повертела булаву в руках, провела пальцем по трещине, будто проверяя, глубокая ли рана.

— Отец знает?

— Нет.

Она помолчала. Потом аккуратно, как ставят на место дорогую вазу, вернула булаву за энциклопедии, задвинула корешки и поправила их ладонью, чтобы стояли ровно.

— Тогда и не узнает, — сказала она. — Только, пожалуйста, не урони при гостях.

Это было всё. Больше они к этому разговору не возвращались. Но с той субботы Артём иногда находил в зимнем саду то, чего не оставлял там сам: плед на скамейке, когда ночи становились холодными, стакан воды на краю кадки с пальмой, а однажды, перед Новым годом, новую пачку спортивной ленты для рукояток, такую, какую продавали только в специальных магазинах.

Он ни разу не поблагодарил. Он понимал: если сказать об этом вслух, это кончится. Некоторые вещи в их доме могли существовать только молча.

Говорить об этом он не умел. Как сказать человеку, который строит империи, что тебя тянет подбрасывать предметы в воздух? Артём пробовал несколько раз и каждый раз упирался в отцовский взгляд, внимательный, вежливый и совершенно непроницаемый.

— Хобби — это прекрасно, — говорил отец. — Хобби украшает биографию. Но оно не должно мешать главному.

Мать улыбалась и кивала. Она тоже любила красивые вещи, и жонглирование она считала чем-то вроде игры на фортепиано: хорошо, когда умеешь, но в гостиной, а не вместо жизни.

И Артём научился жить на двух этажах сразу. Наверху были отличные оценки, правильные разговоры за ужином и стажировка в отцовской компании в каникулы. Внизу, в зимнем саду, были руки, которые каждую ночь понимали чуть больше.

Он ещё не знал, что это и есть подготовка. Что юность, которую родители тщательно планировали под одну судьбу, на самом деле выращивала в нём другую.

Глава 3

Восемнадцать

Восемнадцатилетие праздновали в большом зале. Пришли партнёры отца, друзья семьи, дети друзей, которые уже знали, на какие факультеты поступят. Играл струнный квартет. Мать в третий раз поправила Артёму воротник.

Кирилл Белов, единственный человек на этом празднике, которого Артём мог бы назвать другом, пробрался к нему между тостами с двумя бокалами сока.

— Держи. Шампанского тебе ещё нельзя, а мне уже можно, но я из солидарности.

— Врёшь, — сказал Артём. — Ты просто не любишь шампанское.

— И это тоже. — Кирилл огляделся. — Слушай, а почему у тебя такое лицо, будто тебя сейчас будут продавать на аукционе?

— Потому что будут.

Кирилл засмеялся, но, присмотревшись к другу, перестал.

— Ты так и не сказал ему?

Кирилл был единственным, кто знал про зимний сад. Однажды, в девятом классе, он остался у Воронцовых ночевать, проснулся от непонятного стука и, пройдя по тёмному дому, увидел, как Артём в пижаме, под пальмами, держит в воздухе четыре мячика. Кирилл тогда ничего не сказал. Только утром, за завтраком, подмигнул и шепнул: «Я никому».

— Сегодня скажу, — ответил Артём.

— Сегодня? — Кирилл поперхнулся соком. — Ты с ума сошёл. Сегодня он тебе долю подарит. Скажи через неделю, когда он остынет.

— Через неделю он подаст документы на менеджмент.

Кирилл помолчал. Потом вздохнул и чокнулся с ним бокалом.

— Ну тогда за тебя. За самого упрямого осла, которого я знаю.

После тостов отец поднялся, постучал вилкой по бокалу и сказал речь. Он говорил о фамильном деле, о доверии, о том, что с сегодняшнего дня у сына начинается взрослая жизнь, и что в сентябре тот поступит на факультет менеджмента, а через пять лет получит свой первый кабинет. Гости аплодировали. Отец положил на стол перед сыном тонкую папку: документы на долю в компании.

Артём смотрел на папку и чувствовал, как внутри него медленно, без шума, поднимается что-то давно решённое. Решение не пришло в эту минуту. Оно просто дождалось, когда ему перестанут мешать.

Поздно вечером, когда гости разъехались, он пришёл в кабинет отца.

— Папа, я не буду поступать на менеджмент.

Сергей Андреевич не удивился. Он закрыл ноутбук, снял очки и спросил спокойно:

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу в цирковое училище. Я жонглирую уже десять лет. Я хочу стать артистом.

Пауза была долгой. Артём слышал, как в коридоре часы отмеряют секунды.

— Жонглёром, — наконец произнёс отец, пробуя слово на вкус. — Ты хочешь стать жонглёром.

— Да.

— Артём. Ты понимаешь, что ты говоришь? Тебе восемнадцать. Ты ничего не знаешь о жизни. Цирк — это нищета, гастроли, травмы, и в сорок лет тебя выбросят, как старую вещь. Я дал тебе всё, чтобы у тебя этого не было.

— Ты дал мне всё, кроме выбора.

Это прозвучало резче, чем он хотел. Отец побледнел. Потом сказал тихо, и от этой тишины стало страшнее, чем от крика:

— Выбор есть. Ты можешь прийти в понедельник в офис. Или ты можешь уйти. Но тогда уйдёшь ты без всего: без дома, без денег, без доли. Я не буду финансировать глупость.

Артём кивнул. Не потому, что согласился, а потому, что наконец понял, о чём идёт речь. Отец предлагал не деньги. Отец предлагал сделку: чужая жизнь в обмен на спокойную.

— Я подумаю до утра, — сказал он.

Но думать было уже не о чем. Он просидел ту ночь в зимнем саду, среди пальм, ни разу не взяв в руки булавы. Просто сидел и слушал, как внутри наконец становится тихо.

Под утро в сад пришла мать.

Она была в халате, с наспех заколотыми волосами, без привычного макияжа, и Артём вдруг увидел, какая она на самом деле усталая. Елена Викторовна села на скамейку рядом с ним, совсем близко, и долго молчала, глядя на тёмные листья пальм.

— Он не передумает, — сказала она наконец.

— Я знаю.

— И ты не передумаешь.

— Нет.

Мать кивнула. Потом взяла его руку в свои, повернула ладонью вверх и провела пальцем по мозолям у основания пальцев. Она никогда раньше не замечала их. Или замечала, но делала вид.

— Ты на него очень похож, — сказала она тихо. — Он тоже в восемнадцать ушёл из дома. С одной сумкой. Его отец хотел, чтобы он стал инженером на заводе, как он сам. А Серёжа хотел своё дело. Они не разговаривали шесть лет.

Артём поднял голову.

— Он никогда не рассказывал.

— Он никогда никому не рассказывает. — Мать слабо улыбнулась. — Он не видит, что вы одинаковые. Он думает, что ты уходишь от него. А ты уходишь, как он. Это совсем другое.

— Тогда почему он…

— Потому что ему страшно, Артёмушка. Он помнит, как ему было тяжело. Он не хочет, чтобы тебе было так же. И он не умеет сказать это иначе, кроме как «дверь будет закрыта».

Она поцеловала его в макушку, как в детстве, и ушла, оставив на скамейке тёплый след и запах своих духов. Артём просидел ещё час, пока за стеклянной крышей не начало светать.

Глава 4

Ключи на столе

Утром Артём спустился к завтраку одетым. В руках у него был один рюкзак.

Отец сидел за столом с газетой. Мать стояла у окна, и по её спине было видно, что она не спала. Горничная расставляла чашки и старалась быть невидимой.

— Я принял решение, — сказал Артём.

— Я слушаю, — ответил отец, не опуская газеты.

— Я ухожу. Я не беру долю, не беру деньги, не беру машину. Я не хочу, чтобы потом это называлось вашей помощью, а моё дело вашей уступкой. Пусть оно будет моим целиком, даже если окажется маленьким.

Газета наконец опустилась. Лицо отца осталось неподвижным, но руки, державшие её, слегка дрожали.

— Ты думаешь, это красивый жест?

— Нет, — честно сказал Артём. — Я думаю, это единственный способ узнать, чего я стою без этого дома.

Мать обернулась. Глаза у неё были красные.

— Артёмушка, — выговорила она. — Ты замёрзнешь. Ты не умеешь жить сам. Ты даже яичницу не жарил ни разу.

— Научусь, — улыбнулся он. И от этой улыбки у неё дрогнули губы: так улыбался он в детстве, когда падал и сразу вставал.

Он достал из кармана связку ключей и положил её на белую скатерть. Ключи от дома, от гаража, от дачи. Звякнули негромко, но этот звук наполнил всю столовую.

— Если передумаешь, — сказал отец, всё ещё не глядя на сына, — дверь будет закрыта.

— Я знаю, пап.

Он подошёл к матери, обнял её, и она, не удержавшись, на секунду уткнулась ему в плечо. Потом отстранилась, быстро провела пальцами под глазами и отвернулась к окну. Артём хотел сказать ещё что-то, но слов не нашлось. Он поправил рюкзак и вышел.

На крыльце моросил осенний дождь. Дом на холме смотрел ему в спину высокими тёмными окнами. Артём дошёл до ворот, не оборачиваясь. Охранник, знавший его с детства, молча открыл калитку и вдруг тихо сказал:

— Ни пуха, Артём Сергеевич.

— К чёрту, — ответил Артём. И впервые за долгое время рассмеялся.

В рюкзаке у него лежали смена белья, паспорт, немного наличных, накопленных с подработок, и пять булав, завёрнутых в старый свитер.

До вокзала он дошёл пешком. Восемь километров по мокрой обочине, мимо заборов чужих особняков, мимо заправки, где он когда-то с отцом покупал мороженое, мимо остановки, на которой ни разу в жизни не стоял. Машины проносились мимо, обдавая его брызгами. Одна притормозила: сосед, знакомый отца, опустил стекло и спросил, не подвезти ли. Артём покачал головой. Сосед посмотрел на рюкзак, на промокшие плечи, хотел что-то сказать, но передумал и уехал.

На вокзале он впервые в жизни сам купил билет. Стоял в очереди за женщиной с двумя клетчатыми сумками и старушкой, которая долго пересчитывала мелочь, и с удивлением понимал, что не знает, как это делается. Что нужно говорить? Какой вагон? Какое место? Кассирша, полная, усталая, с накрашенными фиолетовым ногтями, посмотрела на него как на иностранца.

— Плацкарт или купе?

— А какая разница?

Она вздохнула так, как вздыхают над безнадёжными.

— Плацкарт дешевле.

— Тогда плацкарт.

Поезд шёл ночь и половину следующего дня. Артём лежал на верхней боковой полке, слишком короткой для его роста, и слушал, как внизу семья с двумя детьми ужинает варёными яйцами и курицей в фольге. Пахло чаем, носками и железной дорогой. Младший ребёнок плакал, пока мать не дала ему кусок хлеба с солью. Старший, мальчишка лет восьми, долго разглядывал Артёма снизу вверх, а потом спросил:

— А у вас в рюкзаке что торчит?

Артём посмотрел. Из-под молнии выглядывала белая головка булавы.

— Это булава. Для жонглирования.

— А вы умеете?

— Умею.

— Покажите!

Мать шикнула на сына, но Артём уже спустился. В узком проходе плацкарта, между столиком и чужими ногами, он поднял в воздух три булавы. Невысоко, чтобы не задеть полку. Мальчишка открыл рот. С соседних мест стали выглядывать люди. Кто-то засмеялся, кто-то захлопал. Проводница, проходившая мимо с подстаканниками, остановилась, покачала головой и сказала: «Только стёкла мне не побей, артист».

Артист. Его впервые так назвали. Совершенно чужой человек, в поезде, посреди ночи.

Он забрался обратно на полку, отвернулся к стене и долго лежал с открытыми глазами, чувствуя, как вагон мерно покачивается, увозя его всё дальше от дома на холме. Ему было страшно. Ему было одиноко. И впервые за восемнадцать лет ему было по-настоящему хорошо.

Глава 5
Опилки

Первую зиму Артём запомнил как череду мелочей, из которых раньше состояла чужая жизнь.

Он снимал угол в общежитии при цирке, в комнате на четверых, где батареи грели через раз. Он узнал, что пустая гречка с луком бывает вкусной, если до этого шесть часов подряд работать руками. Он узнал, что мозоли на пальцах не проходят, а только меняют форму. Он впервые в жизни сам стирал рубашки и сам считал, до какого числа хватит денег.

В цирковое училище его приняли не сразу. Экзаменатор, сухой человек с цепким взглядом, посмотрел, как он бросает, и сказал без обиняков:

— Руки у тебя есть. Школы у тебя нет. Ты жонглируешь, как самоучка: красиво и неправильно. Хочешь, чтобы я тебя взял, придётся забыть половину того, чему ты научился.

Забывать было тяжелее, чем учиться. Десять лет привычек нельзя выбросить за неделю. Артём по двенадцать часов в день отрабатывал одно и то же простое движение, пока от усталости не начинало гудеть в ушах. Руки болели, булавы падали, а по ночам он лежал и смотрел в потолок, и иногда мелькала мысль: «Папа был прав».

Соседей по комнате было трое. Гоша, акробат из Саратова, рыжий, громкий, способный спать в любом положении, даже стоя в автобусе. Тимур, будущий клоун, который почти не разговаривал и целыми вечерами рисовал в блокноте смешных человечков. И Костя, эквилибрист, сын цирковой династии, в пятом поколении работавшей на манеже. Костя единственный из всех знал, откуда пришёл Артём.

— Слушай, Воронцов, — сказал он в первую же неделю, разглядывая его дорогие, но уже стоптанные кроссовки. — Ты ведь из тех самых Воронцовых? Которые «Воронцов-холдинг»?

— Из тех.

— И чего ты здесь забыл?

Артём подумал.

— Себя, наверное.

Костя хмыкнул, но больше не спрашивал. А через месяц, когда у Артёма кончились деньги, именно Костя молча подсунул ему под дверь талоны в столовую на неделю вперёд и ни разу потом о них не вспомнил.

Первое настоящее падение случилось в декабре. Не с высоты, а на экзамене по технике, когда педагог попросил показать простой каскад на трёх булавах перед всем курсом. Артём волновался, торопился, и третья булава ударила его по пальцам и с грохотом покатилась под ноги комиссии. Кто-то в заднем ряду засмеялся. Педагог молча поднял булаву и вернул ему.

— Ещё раз.

Он сделал ещё раз. И ещё. На пятый раз всё получилось, но это уже никого не впечатлило. Вечером, в пустой комнате, Артём лежал лицом к стене и впервые подумал, что, может быть, хобби, которое украшает биографию, и правда не должно мешать главному.

А ночью ему приснился зимний сад. Пальмы в кадках, плитка, мокрая от полива, и он, четырнадцатилетний, ползает на коленях за укатившимся мячиком. Во сне он вдруг понял, что тот мальчик ни разу не сдался, хотя ему было куда страшнее: его могли поймать. А этого, восемнадцатилетнего, не мог поймать никто, кроме него самого.

Утром он пришёл в зал первым.

Переломила всё одна встреча. В репетиционном зале по утрам, когда там никого не было, работал старик-жонглёр Матвей Лукич. Он давно ушёл с манежа, но каждое утро выходил в зал и подбрасывал шарики, просто так, для себя. Однажды он заметил, как мальчик в углу в сотый раз роняет булаву, и подошёл.

— Ты злишься на неё, — сказал старик.

— Она падает.

— Она падает, потому что ты хочешь её удержать. А её не надо держать. Её надо отпустить так, чтобы она сама знала, куда лететь.

Он показал ему простое упражнение, всего одно, и велел делать его неделю. Артём сделал. Потом ещё неделю. И однажды утром булавы вдруг пошли ровно, как тогда, на манеже, в далёком детстве, и в зале никто этого не заметил, кроме старика, который кивнул и пошёл пить чай.

С тех пор они стали встречаться по утрам. Не договариваясь, без расписания: просто Артём приходил в зал к семи, а старик уже сидел на скамейке у стены, с термосом и газетой, и делал вид, что читает. Иногда он целый час не произносил ни слова. Иногда вставал, подходил и

одним движением поправлял Артёму локоть или угол кисти, и от этого крошечного изменения вся фигура вдруг становилась лёгкой.

Звали его Матвей Лукич Сомов. Когда-то, как потом узнал Артём, его имя писали на афишах крупнее, чем имена дрессировщиков. Он объездил полмира, работал в Париже и Монте-Карло, а потом, в один год, похоронил жену и ушёл с манежа. Остался только этот зал, термос и три старых мячика, которые он подбрасывал каждое утро, как другие старики делают зарядку.

— Зачем вы приходите сюда? — спросил как-то Артём. — Вы же больше не выступаете.

Старик посмотрел на него с удивлением, будто вопрос был задан на чужом языке.

— А ты зачем дышишь? Ты тоже не выступаешь, когда дышишь.

Артём засмеялся. Матвей Лукич нет.

— Запомни одну вещь, — сказал он. — Есть люди, которые жонглируют, чтобы им хлопали. Им тяжело: аплодисменты кончаются, а жизнь длинная. А есть люди, которые жонглируют, потому что иначе не могут. Им тоже тяжело. Но им хотя бы не скучно.

— А я какой?

— Это ты мне потом расскажешь. Лет через десять.

В ту весну Артём впервые написал домой. Короткое письмо, три строки: жив, здоров, учусь. Ответа не было. Он не обиделся. Он знал, что ответ придёт тогда, когда ему будет что показать.

Глава 6
Ящик стола

Письмо пришло во вторник.

Сергей Андреевич нашёл его на краю стола, между квартальным отчётом и приглашением на благотворительный вечер. Секретарша положила его туда, не решившись ни вскрыть, ни отдать лично. Обычный конверт, без марок с цветочками, без обратного адреса, только название города, где находилось цирковое училище. Почерк на конверте был знакомым до последней петли: так он сам когда-то учил сына выводить заглавную «С».

Он не стал вскрывать конверт сразу. Провёл совещание, подписал два договора, отказался от обеда. Конверт лежал на столе, и Сергей Андреевич ловил себя на том, что смотрит на него чаще, чем на собеседников.

Вечером, когда офис опустел, он наконец разрезал край ножом для бумаг.

Три строки. «Папа, мама. Я жив, здоров, учусь. Не волнуйтесь. Артём».

Он перечитал их несколько раз, как читают договор, в котором ищут подвох. Подвоха не было. Не было ни просьбы о деньгах, ни упрёка, ни жалобы. Не было даже вопроса «как вы?». Сын сообщал факты, как сообщают о погоде, и в этой сухости Сергей Андреевич с неприятным холодком узнал самого себя.

Он открыл нижний ящик стола. Тот, в который не заглядывала даже секретарша.

Там лежали вещи, которые он не мог ни выбросить, ни объяснить. Детский рисунок: дом на холме, над домом солнце, а на крыше почему-то человечек с поднятыми руками. Первая школьная грамота. Фотография, на которой Артёму пять, и он сидит у отца на плечах в зимнем парке, раскинув руки. И сложенная вдвое пожелтевшая цирковая программка, где тонким карандашом был подчёркнут один номер.

Сергей Андреевич положил письмо поверх программки и долго не закрывал ящик.

Он помнил тот вечер в цирке лучше, чем хотел бы. Помнил, как скучал в ложе, отвечая на сообщения. Как поднял глаза на сына, чтобы проверить, не уснул ли тот. И как увидел лицо, которого никогда не видел раньше. Мальчик не просто смотрел на жонглёра. Он светился изнутри, как светится окно, в котором зажгли лампу. Сергей Андреевич тогда тихо, чтобы никто не заметил, взял программку с соседнего кресла и подчеркнул номер карандашом,

которым только что правил договор. Он сам не знал зачем. Наверное, чтобы запомнить, что такое лицо бывает.

А потом он двенадцать лет делал всё, чтобы это лицо больше не понадобилось. Репетиторы, шахматы, английский, стажировки. Он строил для сына жизнь, в которой не будет ни нищеты, ни унижений, ни случайностей. Он знал, как выглядит бедность: сам вырос в двухкомнатной квартире на окраине, где отец пил, а мать мыла полы в поликлинике. Он поклялся себе, что его сын никогда не будет считать мелочь до зарплаты.

И сын ушёл именно туда. Считать мелочь.

В дверь постучали. Сергей Андреевич быстро задвинул ящик.

— Сергей Андреевич, вы просили напомнить, — в кабинет заглянул молодой человек в аккуратном костюме. — Завтра в девять совет директоров.

Это был Кирилл. Школьный друг Артёма, который когда-то сидел у них за ужином по пятницам, а теперь, студентом первого курса, проходил у Сергея Андреевича стажировку и уже успел стать незаменимым. Он был старательным, честным и немного наивным, и Сергею Андреевичу это нравилось.

— Спасибо, Кирилл. Задержись на минуту.

Кирилл вошёл и остановился у стола.

Сергей Андреевич долго молчал. Потом сказал, глядя не на него, а в тёмное окно:

— Ты ведь общался с Артёмом?

— Давно уже нет, Сергей Андреевич. С тех пор как он… С тех пор.

— Он в училище. В том городе, где старый цирк. — Он помолчал. — Мне не нужно, чтобы ты что-то ему передавал. И не нужно, чтобы он знал, что я спрашивал. Но если ты когда-нибудь окажешься рядом… Просто узнай, всё ли с ним в порядке. Ест ли он. Не болеет ли.

Кирилл посмотрел на него с таким изумлением, что Сергей Андреевич почувствовал раздражение, а за ним что-то, похожее на стыд.

— Это не поручение, — сухо добавил он. — Это просьба. Можешь отказаться.

— Я не откажусь, — тихо сказал Кирилл.

— Хорошо. Иди.

Когда дверь закрылась, Сергей Андреевич снова открыл ящик. Взял письмо, перечитал три строки ещё раз. Потом достал из стакана карандаш, тот самый, которым правил договоры, и очень аккуратно, ровной линией, подчеркнул одно слово: «учусь».

Дома за ужином он сказал жене:

— Пришло письмо. Он жив. Учится.

Елена Викторовна уронила вилку. Звон прокатился по столовой, как когда-то звон ключей на белой скатерти.

— Что ещё? Что он пишет?

— Больше ничего.

— Ты ответишь?

Сергей Андреевич промокнул губы салфеткой.

— Нет, — сказал он. — Он ушёл, чтобы узнать, чего стоит без нас. Пусть узнает. Если я отвечу, он решит, что дверь открыта. А ему сейчас нужна закрытая.

Жена смотрела на него долго, и в её взгляде он прочёл то, чего она никогда не сказала бы вслух: «Ты не ему это нужно. Это тебе». Но она промолчала, как молчала двадцать лет. Только позже, уже ночью, он услышал, как она тихо плачет в ванной, включив воду, чтобы он не слышал.

Он слышал. И тоже ничего не сказал.

Глава 7
Первый выход

Через два года Артёму доверили открывать вторую половину программы в городском цирке. Номер на шесть минут. Костюм ему сшила костюмерша тётя Рая, ворча, что тонкие плечи надо подкладывать, а не прятать. Музыку подобрал Матвей Лукич. Он принёс кассету, сказал: «Это не твоя музыка, это твоё дыхание», и больше ничего не объяснил.

Две недели перед выходом он почти не спал. Номер строился медленно, по секундам: Матвей Лукич заставлял переделывать каждое движение, пока оно не становилось, как он выражался, «честным».

— Что значит честным? — не выдержал однажды Артём, в двадцатый раз повторяя один и тот же переход от трёх булав к четырём.

— Это значит, что ты не врёшь залу, — ответил старик. — Сейчас ты делаешь вид, что тебе легко. А тебе трудно. Зритель это чувствует. Он не знает, что именно не так, но чувствует, что его обманывают. Не делай вид. Покажи, как трудно, и покажи, как ты с этим справляешься. Вот это им и нужно.

— Но в цирке же всё должно казаться лёгким.

— Кто тебе сказал? — Матвей Лукич поморщился. — Лёгким должно казаться в балете. А в цирке человек должен победить. А победить можно только то, что трудно.

За кулисами пахло опилками, пудрой и конским потом. Артём стоял у занавеса и слушал, как за ним шумит зал. Руки были холодными. Ладони он вытер о штаны, и тут же выругал себя: костюм.

Старик подошёл сзади, положил ему ладонь на плечо.

— Страшно?

— Очень.

— Хорошо. Если бы не было страшно, я бы волновался. Помни: зритель пришёл не смотреть, как ты не уронишь. Он пришёл поверить, что так можно. Вот и покажи ему, что можно.

Инспектор манежа поднял руку. Занавес разошёлся, и в лицо ударил свет.

Первые секунды Артём не слышал ничего. Он видел только свет и тёмную живую массу зала. Потом руки сами взяли первую булаву. Он подбросил её, подбросил вторую, третью. Круг сложился. Он поднял глаза, увидел лица, и понял, что не помнит, чего боялся.

Пятая булава пошла в воздух на третьей минуте. Зал вздохнул. Белый круг над головой стал плотным, как кольцо света. В какой-то момент одна булава слегка ушла в сторону, ровно так, как тогда, много лет назад, у того усталого жонглёра в потёртом фраке. И Артём, как тот человек, едва повёл плечом и вернул её в круг. И улыбнулся.

Из зала донёсся не аплодисмент, а сначала тихий общий выдох. А потом вдруг грохнуло, разом, во все стороны.

Он ушёл за занавес, прислонился к стене и сполз на пол. Руки дрожали. Матвей Лукич присел рядом на корточки, посмотрел на него и сказал, как о погоде:

— Ничего. Для первого раза очень даже ничего.

Артём засмеялся. И заплакал. И продолжал смеяться.

Он знал только одно: в этот вечер он впервые в жизни был тем, кем должен был быть.

Глава 8

Шапито

После дебюта Артёму предложили контракт. Не в большом столичном цирке, куда мечтают попасть все выпускники, а в передвижном шапито «Зарево», которое второй десяток лет колесило по маленьким городам от Урала до Волги. Директор, грузный человек по имени Прохор Игнатьевич, посмотрел номер из последнего ряда, потом подошёл за кулисы и сказал, не здороваясь:

— Сорок тысяч в месяц, жильё в вагончике, питание из общего котла. Репетируешь сам, монтируешь купол вместе со всеми. Согласен?

Сорок тысяч в месяц. Артём вспомнил, что в школьные годы столько стоил один отцовский ужин с партнёрами. И сказал:

— Согласен.

Вагончик оказался железной коробкой на колёсах, с одним окном, двумя койками и электрической плиткой, которая включалась только если выключить обогреватель. Вторая койка принадлежала Саиду Алиеву, канатоходцу, высокому молчаливому человеку лет тридцати, с руками, похожими на корни. Он посмотрел на Артёма, на его рюкзак, на тщательно сложенные булавы, и сказал:

— Тапки сними у порога. Остальное разберёмся.

Так они и стали жить: Саид вставал в шесть, пил чай из жестяной кружки и уходил на репетицию, а Артём просыпался от скрипа двери и ещё несколько минут не понимал, где он. Потом вспоминал, и это было странное чувство. Не тоска и не радость, а что-то вроде удивления: я здесь, и никто этого за меня не решал.

Гастрольная жизнь оказалась состоящей из переездов. Раз в десять дней «Зарево» грузилось на длинную колонну фур, ехало ночью по разбитым дорогам и на рассвете встречало новый город. Первым делом разбирали площадь: трава, пустыри, иногда стадион. Потом ставили купол. Это была тяжёлая и красивая работа. Мачты поднимали вручную, десять человек тянули канаты, и огромное серое полотнище медленно, как большая птица, расправляло крылья над землёй.

Артём в первый раз потянул канат и сорвал кожу на ладонях. Саид молча подал ему перчатки.

— Твои руки для булав, — сказал он. — Береги.

— Тут все работают.

— Все. А руки беречь будешь ты. Это не слабость. Это профессия.

В тот же вечер, когда купол наконец встал и ветер перестал рвать брезент, Артём спросил Саида, почему тот ходит по канату.

Саид долго не отвечал. Сидел на подножке вагончика, курил, хотя курить ему запрещали, и смотрел на огни чужого города.

— Отец был кузнецом, — сказал он наконец. — В горах. Там есть ущелье, через него раньше ходили по бревну, пока не построили мост. Мне было семь, когда я пошёл по этому бревну. Просто так. Посмотреть, могу ли. Отец увидел с того берега и не закричал. Он понимал: если закричит, я упаду. Он просто стоял и смотрел, пока я не дошёл. А потом выпорол так, что я неделю не сидел. — Саид усмехнулся. — Но на следующий день привёл меня к старику, который натягивал верёвку между двумя деревьями. Сказал: «Если он всё равно будет ходить, пусть ходит правильно».

— Хороший у тебя отец.

— Был. — Саид затушил сигарету о подошву. — Знаешь, чему он меня научил? Что любить можно молча. Иногда только молча и можно.

Артём ничего не ответил. Он вспомнил дом на холме, плед на скамейке в зимнем саду и стакан воды на краю кадки. И впервые подумал, что, может быть, в его доме тоже любили. Просто на языке, который он ещё не выучил.

Перед вечерним представлением, когда зал ещё пах свежим брезентом, а за занавесом гримёрша тётя Валя пришивала на ходу оторвавшиеся пуговицы, Артём любил стоять у выхода на манеж и слушать, как собирается публика. Маленькие города приходили в цирк семьями. Дети тянули родителей за рукава, бабушки несли бутерброды в фольге, мужчины в рабочих куртках смущённо садились на жёсткие лавки и через пять минут смеялись громче всех.

Здесь не было столичной публики, которая приходит себя показать. Здесь приходили удивляться. И Артём впервые понял смысл слов Матвея Лукича: «Зритель хочет поверить, что так можно».

Однажды в городке, название которого он потом так и не смог вспомнить, после представления к нему подошёл мальчик лет девяти. Серьёзный, в куртке не по росту, с шапкой, натянутой на уши.

— Дядь, а вы всегда умели?

— Нет, — ответил Артём. — Я сначала очень долго не умел.

— И что?

— И ничего. Просто не бросал.

Мальчик подумал, кивнул с видом человека, получившего деловую консультацию, и убежал. А Артём ещё долго стоял среди опилок, с булавами под мышкой, и чувствовал, как внутри разливается тихое тепло, не имеющее никакого отношения к деньгам.

Зимой гастроли закончились. «Зарево» встало на зимние квартиры в промёрзшем ангаре на окраине областного центра. Там было холодно, но там была тишина и зал для репетиций, и там Артём впервые за много месяцев позволил себе то, чего избегал: достал из сумки старую фотографию дома на холме и положил на подоконник вагончика.

Саид заметил, ничего не сказал. Но на следующий день принёс два стакана чая и сел рядом.

— Скучаешь?

— По матери. Иногда. Отец... — Артём запнулся. — Отец мне так и не ответил.

— Не ответил, — согласился Саид. — Значит, ему тоже есть о чём молчать. Не торопись. Люди как канат: слишком резко потянешь, порвётся. А если дашь время, выдержит.

Артём посмотрел на него и подумал, что такого друга у него никогда не было в доме на холме, где за столом всегда сидели правильные люди с правильными улыбками. Здесь рядом оказался человек в растянутом свитере, который понимал его без слов.

Он убрал фотографию обратно в сумку. Не потому, что забыл. Просто теперь он знал, что вернётся к ней не раньше, чем будет готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.